

НОСОВ И. С.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УБИТЬ» В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Аннотация. В статье рассмотрена группа языковых единиц, объединенных общностью ядерной семантики действия (как реализованного, так и потенциально возможного), конечным результатом которого является смерть. Анализ «Повести временных лет» позволяет включить в семантическое поле «убить» термины и терминосочетания, а также общезыковые употребления слов и устойчивых сочетаний.

Ключевые слова: древнерусская юридическая лексика, семантическое поле, термин, *убити*.

NOSOV I. S.

SEMANTIC FIELD "KILL" IN "POVEST' VREMENNYH LET"

Abstract. The article deals with the semantic field theory applied to the text of the first Russian chronicle "Povest' Vremennyh Let". The author analyzes the semantics of action (completed and potentially possible) the final result of which is the death. The analysis shows that the semantic field of the term "kill" includes legal terms as well as common words and idioms.

Keywords: old Russian legal lexis, semantic field, term, *ubiti*'.

«Повесть временных лет» – это древнерусский литературный памятник, вобравший в себя общеславянский, собственно восточнославянский, а также отчасти греческий, скандинавский, финно-угорский и тюркский культурные пласты, что объясняется полиэтничностью древнерусского общества и активными межэтническими контактами. Немаловажен и тот факт, что составителем повести был монах, т. е. носитель христианского сознания, однако в памятнике нашло отражение и культурное, правовое и др. сознание восточного славянства языческого периода. Необходимо указать на то, что в последние годы памятник активно рассматривается как источник изучения древнерусского правового сознания, вербализуемого правовой терминологией [см. подробнее: 7; 4; 5].

Выбор конкретного материала исследования – языковые единицы, объединенные общностью ядерной семантики действия (как реализованного, так и потенциально возможного), конечным результатом которого является смерть, – обусловлен сущностной значимостью (тяжестью преступления) преступного деяния *убить* и спецификой его оценки обществом. Предметом рассмотрения стали летописные контексты, где, во-первых, излагаются условия осуществления действия *убить* и, во-вторых, фиксируется наказание за преступление; при этом контекстный анализ употребления глагола *убити* позволяет выявить отношение древнерусского человека к событию смерти.

В «Повести временных лет» к лексемам со значением реализованного действия, прежде всего, относится глагол *убити*: *и не послуша ихъ Игорьъ. и вышедше изъ града Изъкорьстѣна. Деревлене оубиша Игоря. и дружину его. бѣ бо ихъ мало* [9, с. 55]. Потенциально возможные действия реализуются в статье под 971 годом: *и поиде Стѣславъ на Греки. <...> и рече Стѣславъ <...> да не посрамимъ землѣ Рускѣ. но лажемъ костыми ту и мертвыи ибо срама не имамъ. аще ли побѣгнемъ срамъ имамъ. и не имамъ оубѣжати но станемъ крѣпко. азъ же предъ вами поиду. аще мое глава лажеть то промыслите собою. и рече вои идеже глава твоя. ту и свои главы сложимъ* [9, с. 70]; в статье 4 договора Руси с Византией 911 года, который входит в состав Повести по Лаврентьевскому списку: *и сем. аще кто оубьет или хрестянина Русин. или хрестянинъ Роусина. да оумрет идѣже аще сотворит оубиство* [9, с. 70, 34].

Анализ научной и лексикографической литературы показывает, что большинство исследователей определяют глагол *убити* как многозначный: он обозначает не только убийство кого-либо как акт насильственного и противоправного деяния, но и убийство как кровную месть, а также убийство как наказание, то есть смертную казнь. Так, производящая основа *бити* чаще всего реализует в славянских языках значения ‘бить, ударять’, ‘убивать’; для и.-е. *bheia- восстанавливаются ‘бить’, ‘ранить’, ‘убивать’ [18, вып. 2, с. 99–100]. В историко-лингвистических словарях глагол *убити* также полисемичен: ‘лишить жизни, умертвить’, ‘казнить смертью’, ‘одержать верх в судебном поединке’, ‘зашибить’ [16, т. 3, стб. 1110–1111], ‘истребляю, умерщвляю’ и ‘избиваю’ [10]. М. А. Исаев, приводя дериват термина – существительное *убиство* ‘общее обозначение кровавого преступления, то есть такого, следствием которого явилось истечение крови’ с отсылкой к синониму *головничество* ‘насильственная смерть, наказываемая особой виной; которая также называлась «головничество»’ (от *голова* ‘свободный человек, убитый при совершении преступления’) [3, с. 110, 30], вносят существенное уточнение – убийство, возможно, не приводит к смерти пострадавшего, а являет собой только кровопролитие [там же, с. 110].

С учетом ранее проведенных нами исследований Русской Правды и договоров Руси с Византией, глагол как правовой термин отражает и следующие специализированные значения: ‘совершение убийства во исполнение закона (то есть вынужденная мера, не являющаяся решением суда)’, ‘реализация нормы обычного права, в частности берегового права, в соответствии с которыми убийство является допустимой нормой поведения, не порицаемой и не преследуемой обществом’ [см.: 19, с. 43–52].

Говоря об убийстве как о действии, доведенном до предела, в «Повести временных лет» следует учесть православный характер сознания летописца, в соответствии с которым «убийство (Исх.20:13) – грех, запрещаемый шестою заповедью закона Божия и состоящий в

отнятии жизни у ближнего в следующих случаях: а) когда преступника наказывают смертью по правосудию; б) когда убивают неприятеля на войне за государя и отечество. <...> К убийству в некоторой степени относятся также все дела и слова, противные любви к ближнему, несправедливо нарушающие его спокойствие и безопасность, и наконец внутренняя ненависть против него, хотя бы она и не обнаруживалась» [2], то есть, с точки зрения православного сознания, кроме телесной смерти, возможна и смерть духовная.

В семантическое поле «убить» в «Повести временных лет» входят 8 компонентов, которые представляют ядерное значение доведения до смерти.

Смерть как следствие Божьей кары вербализуется глаголами и устойчивыми сочетаниями *потреби* <Богъ>, *потопи* <Богъ>, *погрязоша* <Богъ>, *погубити* <Богъ>, *побью* и (о людях), *преставлю царство дому Израилева, скрушю лукъ Израилевъ, истлю тя* (о народе Израилевом). Например, устойчивое сочетание *потреби Богъ* в предании об обрах в дохронологической части Повести *бѣша бо Гѡбѣръ тѣломъ велици. и оумомъ горди. и Бѣ потреби се. и помроша вси. и не встася ни единъ. Гѡбѣринъ* [9, с. 12] отражает закреплённое в сознании славян (с точки зрения православного монаха-летописца) представление об исчезновении данного этноса не с учетом объективных причин (многочисленные войны, ассимиляция, переселение народов), но как следствие Божьей кары. Память восточных славян об исчезнувшем этносе как некоей могучей силе отражает мифологический характер мышления, в котором «устройство первобытного общества переносится на природу, природные свойства и связи конструируются по аналогии с действующими лицами, ролями и отношениями в родовой общине путем олицетворения, антропоморфизма, антропопатизма, аниматизма. И наоборот – человек, родовые связи описываются в образах природы» [15], что проявляется и в семантике деривата *истребить* в большинстве славянских языков: ‘истребить, уничтожить, очистить, удалить’, ‘вырвать, вырубить, выдернуть, выполоть (лес или другую растительность)’ [18, вып. 9, с. 77]. Глагол *потрѣбити* в древнерусской письменности закрепляется в значении ‘истреблять’ [16, т. 2, стб. 1297; 13, т. VII, с. 350; 14, вып. 18, с. 19 – 20].

Насильственная смерть (результат убийства) как противоправное деяние передается глаголами и устойчивыми выражениями *убивати*, *человѣкъы ядуще*, *погубити*, *побити*, *вмѣтати* (*в рѣку* – о младенцах), *избивати*, *приконьчевати*, *зарѣзати*, *истрѣляти*, *заклати*, *исъсѣчи*, *проливати кровь*, *топиша дѣти*, например глаголом *побити* ‘убить в значении противоправного деяния’ [16, т. 2, стб. 985; 13, т. VI, с. 448; 15, вып. 127] в летописном рассказе об отце и сыне христианах под 983 годом: *вни же вземше вѣружѣ поидоша на нь. и розѣаша дворъ вколо его внѣ же стоаеше на стѣнѣхъ сѣмъ своимъ рѣша ѣму вдаи сѣа своего. да вдамъ*

*бмѣ его внѣ же речѣ аще суть бѣи. то единого собе послють бѣда имуть снѣ мои. а вы чему претребуєте. и бликнуша. и поспѣкоша стѣни под ѿ нма. и тако **побиша** а* [9, с. 83].

В «Повести временных лет» смерть как результат кровной мести выражается глаголами и устойчивыми сочетаниями *убивати, кровь проливати, стѣчи, исъстѣчи, мьстити, отмьстити*. Слово *мьсть* имеет значения ‘возмездие, наказание, мщение’ и ‘казнь, наказание’ [16, т. 2, стб. 235; 13, т. V, с. 98; 14, вып. 9, с. 119–120], т. е. в правовом поле термин *мьсть* следует трактовать как внесудебную кару, допускаемую нормами морали и традициями того времени. Второе значение, более позднее по происхождению, формируется в результате укрепления государственной власти, когда внесудебная кара все чаще замещается княжьим судом, а случаи самосуда оказываются вне закона [см. подробнее: 12, с. 372].

Современные историки права отграничивают понятие *кровная мьсть* от мести личной: кровная мьсть представляет ответное действие на обиду (убийство), влекущее за собой желание мести родственниками убитого; личная мьсть – ответные действия пострадавшего на действия своего обидчика. При этом авторы ссылаются на статью 1 Правды Русской, в соответствии с которой пострадавший мог аналогично отомстить обидчику (нанести те же увечья) или взыскать денежную выплату, но убивать его не мог [8]. В церковнославянском употреблении «мьсть – воздаяние злом за зло» [12, с. 372], которое отражает норму древнего права «око за око», зафиксированную в Библии, как и понималась мьсть у многих народов того времени. Таким образом, как термин права *мьсть* в «Повести временных лет» может обозначать и досудебное наказание, по традиции, и установленное законом наказание.

Смерть как результат кровной мести становится центром летописных статей под 945–946 годами, где идет повествование о мести Ольги древлянам за убийство Игоря.

Казнь представлена в изложении событий Ростовского восстания 1071 года и его подавления киевским воеводой Яном Вышатичем: *и речѣ Янъ повозникомъ ци кому васъ кто родинѣ убьенѣ ѿ сею. вни же рѣша мнѣ мѣи. другому сестра. иному роженѣ. вн же речѣ мѣи. мьстите своихъ. вни же **поимше оубиша** а. и **повѣсиша** є на дубѣ ѿ мьстѣе приимше ѿ Бѣ по правдѣ* [9, с. 178]. В. И. Сергеевич усматривает здесь акт кровной мести, опираясь в своем комментарии на используемый в речи глагол *мьстити*: «Когда Ян Вышатич убедился в вине волхвов, он сказал белозерцам: “мстите своихъ. Они же, – говорит летописец, – биша ихъ и звѣсиша на дубѣ”. Здесь мы встречаемся с чрезвычайно жестоким видом мести: виновных сперва подвергают всяким истязаниям, а потом вешают» [12, с. 372].

На первый взгляд, в эпизоде действительно описана кровная мьсть, но при этом не учитываются следующие факты: во-первых, отомстить обидчику – это право рода, которое не нуждается в судебном разбирательстве (см. мьсть Ольги или указание в начале Правды Русской *Аже убиетъ мужъ мужа, то **мьстити** брату брата, любо отцю, ли сыну, любо*

братучадо, ли братню сынови [11, с. 104]), казнь же обозначает «публичное государственное воздействие на преступников или государевых ослушников, в противоположность преследованию со стороны потерпевшего, мести» [17]; во-вторых, казнь всегда подразумевает наличие приговора. В анализируемом эпизоде очевидны оба условия – публичность действия и вынесение приговора воеводой (наказание следует за вердиктом *мьстите своихъ*).

Отметим замечание историков права о том, что смертная казнь хронологически вытекает из кровной мести: «Кровная месть и смертная казнь относятся к различным периодам развития общества. При этом кровная месть – к древнейшей поре правового бытия, а смертная казнь – к более позднему периоду усиления роли государства» [8, с. 108]. Возникающее противоречие снимается тем обстоятельством, что события восстания датируются 1071 годом, а Ярославичи отменили кровную месть за убийство, заменив его денежным штрафом, судя по Правде Русской, в 1054 году: *По Ярославъ же наки совкупившеся сынове егъ: Изаславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Косначько, Перенъгъ, Никифоръ, і втложиша оубиение за голову, но кунами сѧ выкупати; а іно все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша* [11, с. 104].

Духовная смерть представлена в «Повести временных лет» следующими глаголами и выражениями: *умереть смертью, уподобиться Содому и Гомору, вѣнидуги въ адъ, погубити, отпасти от Бога, погибнути, исполнитися безаконія, Каиновъ смыслъ приять, и по смерти вѣчно мучимъ есть и связанъ, казнь приять, створити зло, душею предатися дьяволу*. Например, смерть Святополка Окаянного под 1019 годом (Святополка) *показоваше аѡвъ посланаѧ пагубнаѧ рана. въ смръть немѣлостивно вѣгна. и по смръти вѣчно мучимъ есть связанъ* [9, с. 145] показана и как переход в ад после смерти телесной, гибель, и как Божья кара, духовная смерть (см. *душевная смерть* ‘то же, что вечная смерть, вторая смерть’ [14, вып. 25, с. 173]), что отражает христианскую трактовку смерти братоубийцы, который еще при жизни, совершив много «смертных грехов», погубил (=убил) себя.

Смерть в ходе военных действий передается выражениями: *много убийство створити, посякати, пересѣкати, растрѣляти, пострѣляти, въ море вметати, посячени быти, растинати, (гвозды желѣзны посредеъ головъ) вѣбивати, пасти, избити, погубнути, лечь костью, моя / твоя глава ляжетъ, главу сложити, убити, сѣчи, исьсѣче, изъгубити, – например, в описании военного похода под 915 годом причастной формой от глагола *посячи* в значении ‘зарубить, убить’, ‘умертвить (холодным оружием); казнить, обезглавить’ [13, т. VII, с. 333; 14, вып. 17, с. 164]: *В сиж времена прииде Семннъ пленѧ Фракню. Греки ж послаша по Печенъги. Печенъгом пришедшим. и хотащимъ на Семевна. расварившесъ Гречѣскыя воеводы. видѣвше Печенъзи аѧ сами на сѧ рѣчѣ имуть. ѡидоша въ своасы. а Болгаре со Греки стоупишасѣ. и пересѣчени быша Греки* [9, с. 42].*

Смерть в рамках обряда, т. е. жертвоприношение, передается устойчивыми сочетаниями: *погубити, зарѣзати богомъ, створити требу богомъ, заклати предъ ними*. Например, в летописном сказании под 983 годом: *и рѣша старци и боларе мечемъ жребии. мечемъ жребии на втрока и дѣвицю на него же падеть того зарѣжемъ бѣмъ. бѣше Варягъ единъ. и бѣ дворъ его идеже естъ цркъ стѣа Бѣа. юже сдѣла Володимеръ бѣ жа Варягъ то прииель изъ Грекъ. <...> И рѣша пришедше послании к нему. аеко паде жребии на снѣ твои изволиша бо и бѣи собѣ. **да створимъ потребу бѣмъ*** [9, с. 82]. Здесь потенциально возможная смерть является обрядовой и, с точки зрения языческого общества, действия, передаваемые фразеологизмами, не убийство, а жертвоприношение, носящее сакральный характер, что фиксируется и в словарном толковании ‘жертвоприношение’, сопровождаемом летописным контекстом [13, т. VII, с. 349].

Судебный поединок, передаваемый древнерусским правовым термином *поле*, трактуется исследователями как частный случай ордалии, смысл которого в воззрении древнего человека на окружающий его мир, согласно которому Бог должен был помогать правому: «Если кто на Руси имеет дело против другого, то зовет его на суд к князю, пред которым и препираются обе стороны. Дело решается приговором князя. Если же обе стороны недовольны этим приговором, окончательное решение предоставляется оружию: чей меч острее, тот и берет верх» [6]. В «Повести временных лет» он реализован следующими выражениями: *удавити до смерти, кровь проливати, ударити въ гортань ножемъ, убивати другъ друга*, например, в летописном предании под 992 годом (см. мнение А. Н. Афанасьева, что «всякая битва, по понятию древних, была спором, отданным на решение божества. <...> если обиженный восставал с оружием на обидчика, божество должно было помогать правому» [1, т. 2, с. 270]): *и выступи мужъ Володимеръ и оузръ и Печенѣзинъ и посмѣася. бѣ бо середнии тѣломъ. и размѣривше межи вѣѣма полкома. пустиша а к собѣ и астася. и почаста сѣ крѣпо держати и **оудави Печенѣзина в руку до смерти**. и оудари имъ в землю* [9, с. 123]. Исход поединка – смерть одного из участников: *(удавити) до смерти* ‘до наступления смерти, насмерть’ [14, т. 25, с. 173].

Восходит к ордалиям и клятва оружием в договоре Руси с Византией 944 года, включающем указание на потенциальную смерть нарушителя клятвы: *и иже помыслить ѿ страны Рускиае. разрушити таку любовь. <...> да приимуть **местъ ѿ Баѣ**. вседержителя **всуженья на погибель** въ весь вѣкъ в будущи. и елико ихъ естъ не хрїсно. да не имуть помощи ѿ Баѣ. ни ѿ Перуна. да не оуцитаѣся щитѣ своими. и **да посячени будутъ мечи своими. ѿ стрѣль и ѿ иного вружѣя своего*** [9, с. 47–48]. Стоит отметить, что данная лексическая группа характерна для договоров Руси с Византией, которые входят в состав Повести по Лаврентьевскому списку.

Таким образом, семантическое поле *убити* в «Повести временных лет» формируется 8 группами лексических средств, передающих доведение до смерти в результате Божьей кары, противоправного деяния (убийства), казни, кровной мести, первоначальной духовной смерти, участия в военных действиях, жертвоприношения, судебного поединка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. – М.: Индрик, 1994.
2. Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. Библейская энциклопедия / арх. Никифор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/biblerus/>
3. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. – М.: Спарк, 2001. – 119 с.
4. Киржаева В. П. Историческая терминология русского языка как предмет междисциплинарной разработки // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к слов.-справ. – Вып. 1. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – С. 6–14.
5. Киржаева В. П. Отражение терминологии древнерусского права в «Повести временных лет» // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и мат. V Междунар. конгресса исследователей русского языка. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 2014. – С. 55–56.
6. Ключевский В. О. Курс русской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluchlec.htm>.
7. Кушнир М. И. Древнерусский летописный текст как источник юридического документа: теоретико-методологический анализ // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. VI. – № 2. – С. 207–217.
8. Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. – Армавир: РИО АГПА, 2011. – 176 с.
9. Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Л.: АН СССР, 1926–1928. – 579 с.
10. Полный церковнославянский словарь / сост. свящ. Григорий Дьяченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/churchslav/>.
11. Правда Русская: Тексты / под ред. Б. Д. Грекова. – Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 505 с.

12. Сергеевич В. И. Лекції и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. – 3-е изд. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 664 с.
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old_russian.academic.ru.
14. Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1972 – ... Вып. 1 – ...
15. Словарь философских терминов / под ред. В. Г. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ponjatija.ru/node/605>.
16. Срезневский И. И. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ: в 3 т. – СПб.: Тип. ИАН, 1893–1912.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// dic.academic. ru/dic.nsf/brokgauz_efron](http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron).
18. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974 – ...
19. Юридическая лексика русского языка XI–XVII вв.: материалы к слов.-справ. – Вып. 2 / отв. ред. В. П. Киржаева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 204 с.